

Рэй Брэдбери
—
**Лекарство
от меланхолии**

Москва
2022

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б89

Ray Bradbury

THE MEDICINE FOR MELANCHOLY

Copyright © 1959, renewed 1987 by Ray Bradbury
Ray Bradbury trademark used with the permission
of Ray Bradbury Literary Works LLC

Перевод с английского *Арама Оганяна*

В оформлении титула использовано фото:
ESB Professional / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Брэдбери, Рэй.

Б89 Лекарство от меланхолии / Рэй Брэдбери ; [перевод с английского А. Оганяна]. — Москва : Эксмо, 2022. — 288 с. — (Яркие страницы).

ISBN 978-5-04-154520-8

«Когда все потеряно, остается надежда», — утверждает герой одного из рассказов Рэя Брэдбери. И эти слова могли бы стать эпитафией ко всему сборнику «Лекарство от меланхолии», на страницах которого всегда найдется место для грустных улыбок и добрых чудес.

Книга представляет собой оригинальный авторский сборник, в который вошли девятнадцать рассказов, среди них «Дракон», «Берег на закате», «Пришло время дождей», «Улыбка», «Земляничное окошко» и другие.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Оганян А., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-154520-8

*Посвящается моему Папе, чья
любовь застала врасплох его весьма
великовозрастного сына.*

*И Бернарду Беренсону,
и Ники Мариано,
которые подарили мне новый мир*

БАРХАТНЫЙ СЕЗОН

Водин прекрасный летний полдень Джордж и Алиса Смит сошли с поезда в Биаррице, а спустя час выбежали из отеля на пляж, бросились в океан и вылезли из воды, чтобы подрумяниться на песочке.

Глядя на Джорджа Смита, распростертого на солнцепеке, можно было подумать, что он всего лишь турист, доставленный в Европу свежим, словно замороженный салат, и не собирающийся задерживаться здесь надолго. На самом же деле это был человек, больше жизни ценивший искусство.

— А-ах... — крикнул Джордж Смит.

По его груди скатилась очередная унция пота. Вот выпарю из себя водопроводную влагу штата Огайо, думал он, потом пропитаюсь лучшим «бордо». Пусть кровь насытится букетом французских вин, чтобы смотреть на мир глазами здешних людей.

Зачем? Зачем вдыхать, вкушать, пить все французское? Неужели для того, чтобы со вре-

менем проникнуться гениальностью всего лишь одного человека?

Его губы зашевелились, произнося некое имя.

— Джордж? — Тень жены нависла над ним. — Я догадываюсь, о ком ты думаешь. Читаю по губам.

Он лежал, не шелохнувшись, и ждал.

— О ком же?

— О Пикассо, — сказала она.

Его передернуло. Когда-нибудь она научится правильно произносить это имя.

— Прощу тебя, — молвила она. — Успокойся. Я знаю, что утром тебя взбудоражили кое-какие слухи, но ты бы видел, что творится с твоими глазами. У тебя опять нервный тик. Допустим, Пикассо на побережье в нескольких милях отсюда, гостит у друзей в рыбацком поселке. Но тебе лучше на этом не заикливаться, не то весь отпуск насмарку.

— Лучше бы эти слухи до меня не доходили, — честно признался он.

— Вот если бы тебе нравились другие художники! — сказала она.

Другие? Да, есть и другие. Он мог бы отменно позавтракать золотистыми, как осень, грушами и черными, как ночь, сливами из натюрмортов Караваджо. Пообедать пышущими жаром подсолнухами Ван-Гога с лепестками как жирные гусеницы. Незрячий человек мог бы «прочитать» эти цветы, пробежав пальцами по пылающему холсту, и обжечься. А истинное пиршество? Для каких картин он берег свой аппетит? Для кого же, если не для создателя «Девушки перед зеркалом»

и «Герники», который, заслонив горизонт, словно восставший Нептун, увенчанный водорослями, алебастром и кораллами, стиснув кисти подобно трезубцам в когтистых пальцах, исполинским китовым хвостом способен обрушить летний ливень на весь Гибралтар?

— Алиса, — проговорил он терпеливо, — как бы это объяснить? В поезде я думал: бог мой, весь этот край — страна Пикассо!

Но так ли это на самом деле? — недоумевал он. Небо, земля, люди, багровый кирпич, балконы из витого вороненого железа, мандолина — перезревший плод в руках человека, захватанный тысячами прикосновений, лохмотья рекламных щитов, развевающиеся, как серпантин, на ночных ветрах — сколько в этом было от Пикассо, а сколько от Джорджа Смита, созерцающего мир горящими глазами Пикассо? Он уже отчаялся найти ответ. Старик Пикассо так основательно пропитал Джорджа Смита скипидаром и льняным маслом, что они определили его бытие: Голубой период в сумерках, Розовый период на заре.

— Я думаю, — сказал он вслух, — вот если бы мы поднакопили денег...

— Нам в жизни не накопить пять тысяч долларов.

— Знаю, — тихо проговорил он. — Но меня согревает мысль, что когда-нибудь они у нас появятся. Как было бы здорово просто подойти к нему и сказать: «Пабло, вот тебе пять тысяч долларов! Одари и осчастливь нас морем, песками, небесами, да чем угодно...»

Спустя мгновение Алиса коснулась его плеча.

— Тебе, пожалуй, не мешало бы окунуться, — посоветовала она.

— Да, — согласился он, — именно это мне сейчас и нужно.

Когда он врезался в воду, взметнулось белое пламя волн.

Всю вторую половину дня Джордж Смит то выходил из океана, то возвращался туда вновь, поднимая фонтаны брызг широченными взмахами; подобно тем людям, которым то жарко, то холодно и которые, к закату солнца раскрасневшись как омары, поджаристые цыплята и цесарки, плетутся в свой отель, смахивающий на свадебный торт.

На пляже на многие мили никого не осталось за исключением двух человек. Одним оказался Джордж Смит с полотенцем через плечо, который вышел поплескаться напоследок.

Вдалеке по безмятежному берегу в одиночестве шагал другой мужчина, пониже ростом, угловатый, сильно загоревший. На солнце его стриженная ежиком голова приобрела оттенок красного дерева. А ясные глаза блестели как вода.

Итак, сцена на берегу подготовлена, и через пару минут этим двоим суждено встретиться. Судьба уже приготовила чаши весов для потрясений и неожиданностей, явлений и исчезновений. Но ни один не догадывался о случайном стечении обстоятельств, способном подстеречь каждого — в любом городе, в любой толпе, словно бурная река, которую невозможно перейти вброд. Не догадывались они и о том, что река эта полна

чудесами, и, если запустить туда руки, чудо можно поймать. Как большинство людей, они отметили подобную блажь и держались на расстоянии, чтобы Судьба не столкнула их с берега.

Незнакомец стоял в одиночестве. Осмотревшись, он понял, что поблизости никого нет, увидел великолепную гладь залива, солнце, подсвечивающее краски уходящего дня, и краем глаза заметил щепку на песке. Оказалось, это палочка от давно растаявшего эскимо. С улыбкой он подобрал ее. Вновь оглядевшись и, дабы удостовериться, что совсем один, он присел и, бережно сжимая щепку, легкими росчерками принялся делать то, что умел лучше всего на свете.

Начал рисовать на песке фантастические фигуры.

Набросал одну фигуру, затем, не поднимая глаз, полностью увлеченный работой, перешел к другой, третьей, четвертой, пятой, шестой.

Джордж Смит, отпечатывая следы на береговой линии, озирался по сторонам и тут приметил впереди склонившегося загорелого человека. Подойдя ближе, Смит понял, чем тот занят, и усмехнулся. Ну да, конечно... Человек на пляже, в одиночестве... Сколько ему? Шестьдесят пять? Семьдесят? Бороздит каракули, закорючки, взметая песок во все стороны! Как дерзко вырисовываются портреты на берегу! Как...

Джордж Смит сделал еще один шаг и встал как вкопанный.

Незнакомец рисовал и рисовал, казалось, не обращая внимания ни на присутствие другого че-

ловека за спиной, ни на целый рисованный мир на песке. Его настолько поглотило творчество, что и разрывы глубинных бомб в бухте не оставили бы его порхающую руку и не заставили бы оглянуться.

Джордж Смит взглянул на песок. И после долгого созерцания его охватил трепет.

На плоском берегу простирались изображения греческих львов, средиземноморских козлиц и дев, воплощенных в золотом песке, сатиров, дудящих в самодельные деревянные свирели, пляшущей детворы, разбрасывающей цветы по пляжу, и резвящихся агнцев; музыкантов, перебирающих струны арф и лир, единорогов, состязающихся в беге с юношами на далеких лугах; лесов, вулканов и разрушенных храмов. Непрерывной линией вдоль берега рука этого согбенного человека, державшая деревянное стило, в экстазе и в поту чертила, полосовала, петляла вверх-вниз, вбок и наизнанку, вышивала. Он шептал, замирал, затем пускался вскачь, словно сия бродячая вакханалия должна была подойти к концу до того, как море погасит солнце. На двадцать-тридцать, а то и больше ярдов раскручивались свитки с письменами, нимфами, дриадами и летними фонтанами. Свет угасающего дня залил расплавленной медью песок с посланием, высеченным на все времена, которое мог бы с наслаждением прочитать кто и когда угодно. Все, что взметнулось ввысь, — застыло, обретя равновесие. Вот, пританцовывая, дочери виноделов ступнями, окровавленными виноградом,

выдавливают вино. Вот чешуйчатые чудовища — порождения морских испарений, вот воздушные змеи в гирляндах цветов источают благоухание в летучих облаках... вот... вот... вот...

Художник замер.

Джордж Смит сделал шаг назад.

Художник взглянул вверх и удивился, обнаружив поблизости постороннего. Потом он встал, взглянул на Джорджа Смита, затем на свои творения, которыми пляж был испещрен, будто отпечатками ступней празднующихся. Наконец улыбнулся и пожал плечами, словно хотел сказать: «Смотрите, что я натворил; видите, какое ребячество? Вы уж простите меня. Иногда всем нам хочется подурачиться... Может, и вам попробовать? Нет? Ну тогда позвольте старому дуралею, а? Вот и хорошо!»

Но Джордж Смит был способен лишь смотреть на загорелого коротышку с ясным острым взглядом и единожды прошептать его имя, про себя.

Так они простояли секунд пять: Джордж Смит, уставившись на гравированный песок, и изумленный художник, с любопытством разглядывая Джорджа Смита. Джордж Смит раскрыл было рот — и тут же закрыл, протянул руку — и тут же отдернул. Шагнул было к картинам — и отпрянул. Потом зашагал вдоль изображений, словно то была вереница выброшенных на берег драгоценных мраморных осколков древних развалин. Он смотрел немигающим взглядом. Его рука жаждала прикоснуться, но не посмела. Ему хотелось броситься прочь, но он остался.

Вдруг ему на глаза попался отель. Бежать! Именно! Бежать! Что? Взяться за лопату, выкопать, спасти хоть пласт рассыпающегося песка. Разыскать ремонтника, срочно привести его сюда, чтобы залить гипсом хотя бы крошечный хрупкий фрагмент? Нет, нет. Какая глупость, глупость. А может?.. Его взгляд скользнул по окну гостиничного номера. Побежать за фотоаппаратом! Вернуться на берег и шелкать, шелкать кассету за кассетой, пока...

Джордж Смит резко обернулся, чтобы взглянуть на солнце. Оно бросило слабый отсвет на его лицо — и в его глазах засиял огонь. Солнце, наполовину погруженное в океан, за несколько мгновений исчезло под водой.

Художник приблизился и смотрел на Джорджа Смита очень дружелюбно, словно читая его мысли. Вот он слегка кивает, вот случайно выронил палочку от мороженого. Вот желает спокойной ночи. Спокойной ночи! Вот он уходит, удаляясь в сторону юга, по кромке воды.

Джордж Смит стоял, глядя ему вслед. Спустя минуту он совершил то единственное, что ему оставалось, а именно медленно прошагал вдоль берега от самого начала фантастической картины с фавнами, сатирами, утопающими в вине девами, гарцующими единорогами и трубящими юнцами. Он проделал долгий путь, всматриваясь, как непринужденно раскручивается вакханалия. И дойдя до места, где заканчивались человеки и живность, повернулся и зашагал в противоположном направлении, глядя под

ноги, словно что-то обронил, но не знает, где искать пропажу. Так продолжалось, пока небо и песок не потемнели.

* * *

Настала пора ужинать. Он сидел за столом.

— Ты припозднился, — сказала жена. — Мне пришлось спуститься одной. Я ужасно проголодалась.

— Все в порядке, — заверил он.

— Как прогулка? — полюбопытствовала она.

— Ничего особенного, — ответил он.

— Неважно выглядишь, Джордж. Ты далеко заплыл и чуть не утонул? Так? Видно же по твоему лицу. Признайся, ты далеко заплыл?

— Да, — признался он.

— Ладно, — процедила она, пристально глядя на него. — Чтоб это было в последний раз. Так... что будешь есть?

Он взял меню и принялся читать. Потом вдруг оторвался от чтения.

— В чем дело? — поинтересовалась жена.

Он повернул голову и на миг смежил веки.

— Прислушайся.

Она затихла.

— Ничего не слышу, — сказала она.

— Неужели?

— Нет. А что там?

— Просто прилив, — сказал он, помолчав, сидя с закрытыми глазами. — Просто начинается прилив.

ДРАКОН

Ночной ветер прибывал к земле низкорослые травы вересковой пустоши; вокруг все замерло. Уже много лет птицы не залетали на огромный подслеповатый небосвод. Давным-давно горстка камушков изображала тут жизнь, да и та рассыпалась в прах. Лишь ночь шевелилась в душах двух мужчин, ссутулившихся над одиноким костерком посреди первобытной глуши; тьма тихо стучала в их жилах, молча отдаваясь в висках и запястьях.

Сполохи огня отплясывали на их одичавших лицах, застилая глаза рыжими отблесками. Мужчины прислушивались к слабому холодному дыханию друг друга и присматривались к морганию век, словно у ящерицы. Наконец один из них принялся ворошить мечом огонь.

— Не смей, болван! Ты нас выдашь!

— Какая разница, — сказал он. — Дракон и так учует нас за много миль. Боже праведный, ну и холод. Лучше бы я остался в замке.

— Мы ищем смерти, а не сна, мы...

— Ради чего? Зачем? Дракон никогда не суется в город!

— Тише ты, дуралей! Он пожирает одиноких странников по пути из нашего города в другой!

— Ну и пусть пожирает, а нам пора по домам!

— Да помолчи ты! Слышишь?

Мужчины замерли.

Они долго ждали, но услышали только, как тревожно вздрагивают их кони, словно черные бархатные тамбурины, да позвякивают серебристые стремена.

— Ах, — вздохнул второй. — Что за край ужасов. Чего только здесь не случается. Кто-то задувает солнце. Наступает ночь. А потом, потом, о Боже, ты только послушай! Говорят, у дракона огненные глазищи. Он изрыгает белые испарения, пронзая темноту пустошей. Извергает серу и громы, испепеляет травы. Овцы мрут от страха. Женщины рожают уродов. Драконье неистовство способно обратить в прах башенные стены. На рассвете его жертвы разметаны по холмам. Я спрашиваю, сколько рыцарей вышли против этого чудовища и сложили головы, как, может, суждено и нам?

— Достаточно!

— Больше чем достаточно! Здесь, в пустыне, я даже не могу сказать, какой сейчас год!

— Девятисотый от Рождества Христова.

— Нет, нет, — зашептал второй, зажмурив глаза. — На этой пустоши Время исчезло, здесь — только Вечность. Мне чудится, если я побегу обратно по дороге, окажется, что город пропал,

люди еще не родились, все изменилось, камень для замков не вырублен из каменоломен, деревья в лесах не спилены. Не спрашивай, откуда я это знаю. Пустошь знает и подсказывает. И вот мы одни в землях огненного дракона. Спаси и сохрани нас, Господь!

— Если боязно, надень доспехи!

— Что толку? Дракон выскакивает из ниоткуда; нам не дано знать, где его логово. Он растворяется в тумане; мы не знаем, куда он уходит. Да, нацепим же латы, хоть умрем в приличном облачении.

Не успев приладить серебряный нагрудник, второй воин снова замер и повернул голову.

Из сумрачной местности, преисполненной ночи и пустоты, из сердцевины самой пустоши примчался ветер, насыщенный песком, отмеряющим время в песочных часах. Черные солнца горели в душе того новоявленного ветра, что гнал мириады обугленных листьев, сорванных с осеннего древа за горизонтом. Ветер растворял местность, вытягивал кости, словно они восковые, мутил и сгущал кровь, и она осклизлыми комками оседала в мозгу. Ветер нес тысячи умирающих душ, смущенных и неприкаянных. Туман переходил во мглу, а та — во тьму. Местность не признавала человека, часов и годов. Лишь двое стояли в безликой пустоте внезапно грянувших морозов, бурь и белого грома, что последовал за обвалом огромного пласта зеленого стекла — молнии. Шквальный ливень обрушился на землю; все померкло, пока не во-

царилась бездыханная тишь, где два одиноких человека, в которых еще теплилась жизнь, ждали на холоде.

— Вот, — прошептал первый. — Это он...

Издалека, с превеликим воем и ревом, на них мчался дракон.

Двое воинов молча надели доспехи и сели на коней. Полночный покой разорвало чудовищным воплем приближающегося дракона. Его ослепительно-желтое сияние взлетело на холм, затем изгибы его черного тулова, замаячившие вдалеке и поэтому нечеткие, перевалили через холм и исчезли, нырнув в низину.

— Скорее!

Они пришпорили коней и помчались в небольшую ложбину.

— Он пронесется здесь!

Они зашорили глаза коням; руки в латных перчатках стиснули копыя.

— Боже!

— Да, призовем Господа!

В этот миг дракон обогнул холм. Его чудовищный янтарный глаз впился в них, воспламеняя доспехи. Он мчался вперед с леденящим душу завыванием и чавканьем.

— Боже милосердный!

Копье ударило ниже желтого глаза, лишенного века, и выгнулось, подбросив латника в воздух. Дракон врезался в него, подмял и перемолол. Мимоходом, в сотне футов, он черным плечом размозил о каменную глыбу второго коня и седока. Подвывая и скрежеща, дракон сеял вокруг

себя огонь, розовое, желтое, солнечно-рыжее пламя в мягких клубах слепящего дыма.

— Видал? — прокричал чей-то голос. — Что я тебе говорил!

— То же самое, то же самое! Рыцарь в доспехах. Богом клянусь, Гарри! Мы в него врезались!

— Остановимся?

— Попытался однажды. Ничего не нашел. Не по нутру мне остановки на этой пустоши. Мурашки по спине так и бегают. Чую недоброе.

— Но мы же врезались во что-то!

— Я же столько ему свистел, а этот болван даже не шелохнулся!

Мглу разорвало выхлопом пара.

— Прибудем в Стокли по расписанию. Ну что, подбросим угольку, Фред?

Свисток сотряс росу с пустых небес. Ночной поезд, неистово полыхая, устремился вверх по лощине и пропал на холодных просторах севера, а черный дым и пар рассеялись в оглохшем воздухе спустя мгновения после того, как он промчался и исчез навсегда.

ЛЕКАРСТВО ОТ МЕЛАНХОЛИИ,
или
ВЕРНОЕ СРЕДСТВО НАЙДЕНО!

— **П**ошлите кого-нибудь за пиявками, сделайте ей кровопускание, — велел доктор Гимп.

— У нее и так уже крови не осталось! — вскричала миссис Уилкс. — О, доктор, чем страдает наша Камиллия?

— Ей нездоровится.

— Да, и?

— Она хворает, — сердито зыркнул добрый доктор.

— Ну же, продолжайте!

— Она — дрожащий огонек свечи, вне сомнения.

— Ах, доктор Гимп, — возмутился мистер Уилкс. — Удаляясь, вы говорите нам то же, что мы сказали вам, когда вы вошли!

— Нет! Больше! Давайте ей эти пилюли на рассвете, днем и на закате. Верное средство!

— Она и так уже напичкана вашими верными средствами, черт побери!

— Ай-ай-ай! С вас шиллинг, сэр! Я ухожу.

— Уходите и призовите Дьявола вместо себя! — мистер Уилкс всучил доброму доктору монету.

Засим врач крякнул, нюхнул табаку, чихнул и вышел на людные улицы Лондона слякотным весенним утром 1762 года.

Мистер и миссис Уилкс обернулись к постели, в которой лежала их дражайшая Камиллия; да, бледная, исхудалая, однако далеко не лишенная привлекательности: у нее были большие влажные сиреневые очи, а волосы золотым ручейком струились по подушке.

— О-о, — она едва сдерживала слезы. — Что со мною будет? Вот уж три недели, как наступила весна, а из зеркала на меня таращится привидение. Страшно на себя смотреть. Видно, не дожить мне до своего двадцатого дня рождения.

— Дитя мое, — сказала мать. — Что у тебя болит?

— Руки. Ноги. Грудь. Голова. Сколько докторов? Шесть? Да, шесть докторов ворочали меня, словно говядину на вертеле. Довольно! Умоляю, дайте умереть спокойно.

— Что за гадкая, таинственная болезнь, — сказала миссис Уилкс. — Ну сделайте же что-нибудь, мистер Уилкс!

— Что именно? — раздраженно воскликнул мистер Уилкс. — Она не хочет видеть ни докторов, ни аптекарей, ни священников — и невелика

беда: они обобрали меня до нитки! Может, сбежать на улицу за дворником?

— Да, — молвил некий голос.

— Что? — все трое повернулись посмотреть, кто это.

Они совсем забыли про ее младшего брата Джеми, который ковырялся в зубах, безмятежно прислушиваясь к дождю и громкому городскому гулу у окна поодаль.

— Четыреста лет тому назад, — заговорил он спокойно, — сие средство было испытано, и оно сработало. Разумеется, дворника не следует приводить к нам. Вместо этого давайте возьмем Камиллию как есть, с кроватью, спустим и поместим за дверью.

— Почему? Зачем?

— Через час, — Джеми закатил глаза, производя подсчеты, — мимо наших ворот промчится тысяча человек. За сутки мимо пробегут, проковыляют или проскачут двадцать тысяч человек. И каждый сможет поглазеть на мою обморочную сестрицу, пересчитать ее зубы, подергать за мочки ушей, и у всех, заметьте, у всех, найдется испытанное средство! И одно из них окажется верным!

— Ах! — опешил мистер Уилкс.

— Отец! — сказал Джеми, тихо вздыхая. — Ты знаешь хоть одного человека, который не считал бы себя автором трактата «Materia Medica»? Сей зеленый бальзам от больного горла, а эта воловья мазь от миазмов или вздутия живота? Вот в эти самые минуты десятков тысяч самоявленных ап-

текарей ускользают от нас, унося с собой свою мудрость!

— Джеми, мой мальчик, ты просто неподражаем!

— Прекратите! — возопила миссис Уилкс. — Не пристало моей дочери быть выставленной напоказ ни на этой, ни на любой другой улице...

— Стыдись, женщина! — перебил ее мистер Уилкс. — Камиллия тает, словно снег, а ты еще сомневаешься, вынести ее из этой душной комнаты или нет. Давай, Джеми, поднимай кровать!

— Камиллия? — миссис Уилкс повернулась к дочери.

— Почему бы мне не помереть на свежем воздухе, — промолвила Камиллия, — где прохладный ветерок будет поигрывать с моими локонами, пока я...

— Вздор! — возмутился отец. — Ты не умрешь. Джеми, раз, два, взяли! Вот так! С дороги, жена! Поднимаем, мой мальчик, выше!

— Ох, — еле вскрикнула Камиллия. — Я лечу, я лечу!..

* * *

Вдруг над Лондоном возникло голубое небо. Застигнутые врасплох погодой горожане в суматохе высыпали на улицы, надеясь на что-нибудь поглазеть, чем-то заняться, что-то купить. Незрячие запели, собаки отплясывали джигу,

клоуны кувыркались, дети расчерчивали мостовые мелом для игр и швыряли мячики, как на карнавале.

И вот в эту гущу Джеми и мистер Уилкс, со вздувшимися от натуги венами на лбу, неуверенно шагая, несли в паланкине высоко над головой, словно папéссу, Камиллию, которая молилась, зажмурив глаза.

— Осторожнее! — кричала миссис Уилкс. — Ах, она умерла! Нет. Сюда. Опускайте. Бережно...

Наконец кровать прислонили к фасаду дома, чтобы протекающая мимо людская река могла видеть Камиллию, словно большую бледную куклу Бартолеми, выставленную на солнышке в качестве приза.

— Неси перо, бумагу и чернила, сынок, — велел отец. — Сегодня я буду записывать названные симптомы и предложенные средства. Вечером подведем итоги. Итак...

Но из проходящей толпы Камиллию уже заметил цепким взглядом некий человек.

— Она больна! — изрек он.

— Ага, — сказал, ликуя, мистер Уилкс. — Начали. Перо мне, мой мальчик. Так. Продолжайте, сэр!

— У нее недомогание, — нахмурился человек. — Она хворает.

— Она хворает... — записал мистер Уилкс, и перо его застыло. — Сэр? — Он посмотрел с подозрением. — А вы часом не доктор?

— Именно так, сэр.

— Мне уже знакомы эти словеса! Джеми, возьми мою палку и гони его прочь! Проваливай-те отсюда, сэр!

Но тот поспешно ретировался в превеликом возбуждении, изрыгая проклятия.

— У нее недомогание... Она хворает... Тоже мне! — передразнивал его мистер Уилкс, но перестал, ибо теперь в Камиллию Уилкс тыкала пальцем некая женщина, длинная и костлявая, словно призрак, восставший из могилы.

— Нервическое расстройство, — заговорила она нараспев.

— Нервическое расстройство, — записал довольный мистер Уилкс.

— Выделения из легких, — подвывала она.

— Выделения из легких! — записывал сияющий мистер Уилкс. — Вот это другое дело!

— Требуется лекарство от меланхолии, — сказала она, побледнев. — Найдется ли в доме мумия, чтобы истолочь ее на снадобье? Лучшие мумии — египетские, аравийские, ливийские, пропитанные битумом, — и все исключительно пользительны при магнетических расстройствах. Спросите Цыганку на Флодден-роуд — это я и есть. Продаю пряный сизон и мужской ладан.

— Флодден-роуд, пряный сизон... помедленнее, женщина!

— Гилеадский бальзам, понтийскую валериану...

— Постой, женщина! Гилеадский бальзам, да! Джеми, удержи ее!

Но она упорхнула, выкрикивая названия лекарств.

Теперь вышла вперед девушка не старше семнадцати лет и уставилась на Камиллию Уилкс.

— Она...

— Секундочку! — попросил мистер Уилкс, лихорадочно записывая. — ...при магнетических расстройствах... понтийскую валериану... проклятие! Итак, юная дева. Что ты узрела на лице моей дочери? Ведь ты так и вперилась в нее взглядом. Ты еле дышишь. Ну же?

— Она... — странная девушка внимательно всмотрелась в глаза Камиллии, зарделась и залепетала. — Она страдает от... от...

— Что ты мнешься!

— Она... она... о-о!

И девушка, бросив напоследок сочувствующий взгляд, нырнула в толпу.

— Дурочка!

— Нет, папа, — пробормотала Камиллия, широко раскрыв глаза. — Не дурочка. Она увидела. Она поняла. О, Джеми, догони, приведи ее, пусть расскажет!

— Нет, она ничего не предложила! А вот Цыганка... Посмотри-ка на ее список.

— Я знаю, папа. — Камиллия, побледнев еще больше, закрыла глаза.

Кто-то прокашлялся.

Мясник с кроваво-красным полем битвы на фартуке крутил свирепые усищи.

— Видывал я коров с таким взглядом, — сказал он. — И спасал их посредством бренди и трех

свежих яиц. Зимой же этим эликсиром я спасаю себя...

— Моя дочь не корова, сэ! — мистер Уилкс бросил перо. — И не мясник. И сейчас не январь! Сдайте назад, сэ. Остальным ждать!

И действительно, уже гудела большая толпа, привлеченная другими людьми, жаждавшими посоветовать любимое зелье либо сельскую местность, где солнечных дней было больше, чем во всей Англии или на юге Франции. Старики и старухи, истые врачеватели, как и весь пожилой люд, гремели тростями, ошетинившись фалангами костылей и посохов.

— Назад! — встревоженно закричал мистер Уилкс. — Они же раздавят мою дочь как весеннюю ягодку!

— Не подходи! — Джеми сгреб в охапку костыли с палками и зашвырнул в толпу, которая принялась разыскивать пропавшие конечности.

— Отец, мне дурно, мне дурно, — задыхалась Камиллия.

— Отец! — вскричал Джеми. — Есть лишь один способ прекратить этот бедлам. Взимать с них плату! Пусть платят, если хотят поделиться мыслями об этом недуге!

— Джеми, ты весь в меня, сынок! Быстренько намалой вывеску! Послушайте, люди добрые! Два пенса! Становитесь, пожалуйста, в очередь! Два пенса, если хотите высказаться! Готовьте деньги! Так-то! Вы, сэ. Вы, мадам. И вы, сэ. Теперь за перо! Начали!

Толпа закипела, словно темное море.

Камиллия открыла один глаз и снова провалилась в обморок.

* * *

На закате улицы почти опустели, если не считать нескольких прохожих. Камиллия слышала знакомый перезвон, и ее веки затрепетали как мотыльки.

— Триста девяносто девять, четыреста пенсов! — Мистер Уилкс досчитал последние деньги, ссыпая их в кошель. — Готово!

— Хватит на шикарный черный катафалк, — сказала бледная девушка.

— Помалкивай! Мое возлюбленное семейство, кто бы мог подумать, что столько народу — две сотни человек — готовы заплатить, чтобы высказать свое мнение?

— Да, — сказала миссис Уилкс. — Жены, мужья, дети — никто никого не слушает. Вот они и рады заплатить, только бы их выслушали. Бедняги. Сегодня каждый воображал, будто он и только он знает, что такое ангина, водянка и сап, и отличает недержание слюны от крапивницы. Сегодня мы разбогатели, а двести человек осчастливились, вывалив у наших дверей содержимое своих лекарьских баулов.

— Боже, вместо того чтобы подавить мятеж, мы разогнали всех, как щеночков.

— Зачитай нам список, отец, — попросил Джеми, — из двухсот средств. Какое из них истинное?

— Все равно, — прошептала Камиллия, вздыхая. — Темнеет. Меня подташнивает от выслушивания всех этих названий! Может, отнесете меня наверх?

— Да, дорогая. Джем, поднимай!

— Прощу вас, — молвил некий голос.

Пригнувшиеся было мужчины подняли головы.

Там стоял Дворник без определенных размеров или очертаний. Его лицо скрывалось под маской сажи, из-под которой сверкнули голубые, как водица, глаза и улыбка слоновой кости сквозь белую расщелину. Пыль струилась из его рукавов и брюк, когда он двигался и негромко говорил, кивая.

— Мне не удалось пробиться сквозь толпу раньше, — сказал он, держа засаленную шапку. — И вот я зашел к вам по дороге домой. Мне нужно заплатить?

— Нет, не нужно, Дворник, — ласково сказала Камиллия.

— Пойдите, пойдите, — запротестовал мистер Уилкс.

Но Камиллия одарила его нежным взглядом, и тот умолк.

— Благодарю вас, мадам. — В сгущающихся сумерках улыбка Дворника вспыхнула теплым солнечным лучиком. — У меня всего один совет.

Он взглянул на Камиллию. Она взглянула на него.

— Не сегодня ли канун дня Святого Боско, сэр? Сударыня?

— Кто знает? Но точно не я, сэр! — ответил мистер Уилкс.

— Полагаю, именно сегодня канун дня Святого Боско, сэр. А также ночь полнолуния. Так вот, — скромно сказал Дворник, не в силах отвести глаз от милейшей измученной девы, — вам следует оставить дочь под открытым небом в свете восстающей луны.

— Под открытым небом, под луной! — воскликнула миссис Уилкс.

— Разве от этого не теряют рассудок? — спросил Джеми.

— Прошу прощения, — отвесил поклон Дворник, — но полная луна успокаивает всех страждущих, будь то человек или дикий зверь. Свет полной луны — это оттенки безмятежности, тихое прикосновение, ласковая лепка души и тела.

— А вдруг пойдет дождь, — заволновалась мать.

— Клянусь вам, — поспешил пообещать Дворник. — Моя сестра страдала такой же обморочной бледностью. Однажды весенней ночью мы вынесли ее, как лилию в горшке, под лунный свет. Теперь она проживает в Суссексе — воплощение восстановленного здоровья!

— Восстановленное здоровье! Лунный свет! И нам не придется платить за это ни единого пенни из собранных сегодня четырехсот, матушка, Джеми, Камиллия!

— Нет! — сказала миссис Уилкс. — Ни за что!

— Ну мама, — попросила Камиллия.

Она выразительно посмотрела на Дворника.

Чумазый Дворник перехватил ее взгляд, его улыбка сверкнула во тьме кривым клинком.

— Мама, — сказала Камиллия. — Чует мое сердце, луна меня исцелит, исцелит, исцелит...

Мать вздохнула.

— Ни день, ни ночь у меня не задались. Дай-ка я поцелую тебя в последний раз. Вот так.

И она поднялась к себе.

Дворник шагнул назад, вежливо кланяясь всем присутствующим.

— Всю ночь, запомните, под луной, и ни малейшего беспокойства до рассвета. Спите сладко, юная леди. Пусть вам снятся лучшие сны. Спокойной ночи.

Сажка на лице смешалась с сажкой ночи, и он исчез.

Мистер Уилкс и Джеми поцеловали Камиллию в лоб.

— Отец, Джеми, — сказала она. — Не волнуйтесь.

И она осталась в одиночестве глядеть вдаль, где ей померещилась улыбка, подвешенная в темноте, которая то сверкала, то гасла, а затем юркнула за угол и пропала.

Камиллия ждала восхода луны.

Ночь в Лондоне. Голоса в кабаках становятся сонными. Хлопают двери. Нетрезвые прощания. Бой часов. Камиллия увидела, как кошка вышагивает, словно женщина в мехах. А женщина прохаживается, словно кошка. Обе мудры. Обе египтянки. Обе источают пряные ароматы. Каждую четверть часа сверху слышалось:

- С тобой все в порядке, дитя?
- Да, папа.
- Камиллия?
- Мама, Джеми, все хорошо.

И наконец:

- Спокойной ночи.
- Спокойной ночи.

Гаснут последние огоньки. Лондон уснул.

Взошла луна.

И чем выше она поднималась, тем шире открывала глаза Камиллия, вглядываясь в переулки, дворы и улицы. И вот наконец в полночь луна оказалась у нее над головой, превратив деву в мраморное изваяние на древней гробнице.

Шевеление во тьме.

Камиллия обратилась в слух.

В воздухе слабо зазвучала мелодия.

В тени двора стоял мужчина.

Камиллия затаила дыхание.

Мужчина вышел под лунный свет, слегка перебирая струны лютни. Он был прилично одет, солиден и хорош собой.

— Трубадур, — сказала вслух Камиллия.

Приложив палец к губам, мужчина медленно прошагал вперед и вскоре остановился у ее кровати.

— Что вы делаете здесь в столь поздний час? — спросила девушка без опаски, сама не зная почему.

— Друг прислал меня излечить вас.

Он коснулся струн. Те сладостно загудели. Трубадур был действительно неотразим в серебряном свечении.

— Не может быть, — возразила она. — Ибо мне было сказано, что меня излечит луна.

— Значит, так оно и будет, дева.

— О чем вы поете?

— О весенних ночах, о безымянных болях и недугах. Сказать, от чего вас лихорадит?

— Да, если вам это ведомо.

— Сперва симптомы: горячий жар, внезапный озноб, сердцебиение, приступы гнева, затем приятное успокоение, опьянение... от глотка колодезной воды, головокружение всего лишь от вот такого прикосновения...

Он прикоснулся к ее запястью, заметив, как она тает в сладостном забвении, и отошел назад.

— Подавленность, восторженность, — продолжал он. — Мечтания...

— Довольно! — вскричала она изумленно. — Вы изучили меня до мелочей. Теперь назовите болезнь!

— Назову. — Он прижался губами к ее запястью так, что она вдруг затрепетала. — Имя болезни — Камиллия Уилкс.

— Как странно, — она задрожала, а в ее глазах замерцали сиреневые искорки. — Значит, я и есть причина своего недуга! Вот, оказывается, какую боль я себе причиняю! Даже сейчас. Чувствуете, как бьется сердце!

— Чувствую.

— Мои ноги и руки горят летним зноем!

— Да, и обжигают мне пальцы.

— А сейчас подул ночной ветер, посмотрите, как я дрожу, я зябну, клянусь, я умираю!

— Я этого не допущу, — тихо промолвил он.

— Так вы доктор?

— Нет, всего лишь заурядный врачеватель, подобно тем, кто сегодня гадал, чем вы больны. Как та девица, которая чуть было не назвала вашу хворь, да сбежала.

— Я видела по ее глазам, что она знает, от какого недуга я страдаю. А сейчас я клацаю зубами от холода. А лишнего одеяла нет!

— Будьте любезны, подвиньтесь. Итак, посмотрим: две руки, две ноги, голова и туловище. Ну вот, я весь в сборе!

— В сборе, сэр?!

— Для того чтобы обогреть вас в ночи, разумеется.

— Подобно печке! О, сэр, сэр! Я знаю вас? Как ваше имя?

Лицо Камиллии стремительно накрыла тень от его головы, и сверкнули его задорные глаза, как прозрачная водичка, и улыбка белой слоновой кости.

— Боско, а как же еще, — ответил он.

— Как того самого святого?

— Дайте мне часок, и вы сможете меня так называть.

Его голова склонилась еще ниже. Оказавшись в черной как сажа тени, она возликовала, признав своего Дворника и приветствуя его возвращение.

— Ах, голова кругом! Я сейчас умру! Средство, милый доктор, где же средство, иначе все потеряно!

— Средство, — сказал он. — А вот и средство...

Где-то заорали коты. Из окна вылетел башмак, прогоняя их с забора. Остались безмолвие. И луна...

* * *

— Ш-ш...

Рассвет. Спустившись на цыпочках, мистер и миссис Уилкс окинули взглядом свой двор.

— Замерзла. Никаких признаков жизни после такой ужасной ночи. Так я и знала!

— Нет, женушка, взгляни! Жива! Щечки в розочках! Да какие там розочки — персики, хурма! Аж засияла. Кровь с молоком! Милая Камиллия жива-здоровая, наконец поправилась!

Они склонились над спящей девушкой.

— Она улыбается, ей снятся сны; что она говорит?

— Верное, — вздохнула дева, — средство.

— Что-что?

Она снова улыбнулась, белозубо, во сне.

— Лекарство, — пробормотала она, — от меланхолии.

Она открыла глаза.

— О, мамочка, папочка!

— Доченька! Дитя! Идем наверх!

— Нет. — Она ласково взяла их за руки. —

Мама? Папа?

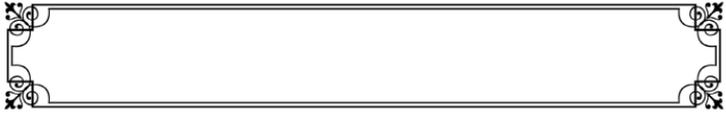
— Да?

— Никто не увидит. Солнце только встает.

Прошу вас, потанцуйте со мной.

Танцевать им не хотелось.

Но, празднуя сами не ведая что, они все же пустились в пляс.

ПРОШЛА ПОРА ПРЕЛЮДИЙ

Он выключил газонокосилку посреди двора, ибо почувал, что именно в этот миг солнце зашло и появились звезды. Свежескошенные травинки осыпались с его лица и груди. Да, поначалу звезды светили тускло, но в ясном небе над степью они стали ярче. Он услышал, как хлопнула сетчатая дверца на веранде, и догадался, что жена наблюдает за его вечерними бдениями.

— Уже скоро, — сказала она.

Он кивнул. Ему не требовалось смотреть на часы. В эти минуты он ощущал себя то очень старым, то очень молодым; его бросало то в жар, то в холод, то в одну крайность, то в другую. Вдруг он перенесся за многие мили от дома. Превратился в своего сына — речь стала уверенной, движения быстрыми, — чтобы справиться с сердцебиением и приливами волнения; он облачался в свежую униформу, проверял запасы провизии, кислородные баллоны, гермошлем и космический скафандр — чтобы запрокинуть голову к быстро

темнеющему небу, подобно любому человеку на Земле в этот вечер.

Затем он быстро превратился в отца своего сына, сжимающего рукоятку газонокосилки. Его позвала жена:

— Посиди на веранде.

— Мне нужно работать!

Она спустилась по ступенькам на лужайку.

— Не переживай за Роберта. У него все будет хорошо.

— Но ведь это невиданно-неслыханно, — услышал он собственный голос. — Никто еще такого не делал. Ты только задумайся: этой ночью стартует ракета с космонавтами, чтобы построить первую космическую станцию. Боже праведный, это невыполнимо, этого не существует, ракеты нет, испытательного полигона нет, время старта неизвестно, техперсонала нет. Раз уж об этом зашла речь, у меня нет сына по имени Боб. С меня хватит!

— На что же ты тогда глазеешь?

Он покачал головой.

— Утром, по дороге в контору, я услышал чей-то громкий смех. Я был ошеломлен и застыл посреди улицы. Оказывается, смеялся-то я! Почему? Потому что я наконец-то узнал наверняка, чем Боб будет заниматься сегодня вечером. Наконец я в это поверил. Я избегаю таких слов, как «божественно», но именно так я себя ощущал, застряв посреди уличного движения. После полудня я поймал себя на том, что напеваю песенку. Ты ее знаешь: «Колесо в колесе. В высях

небесных». Я снова рассмеялся. Ну конечно, это космическая станция, подумалось мне. В большом колесе с полыми спицами Боб будет жить шесть-восемь месяцев перед отправкой на Луну. По дороге домой я вспомнил продолжение песни: «Малое колесо вращает вера. Большое вращается милостью Божьей». Мне так и хотелось подпрыгнуть, возопить, воспламениться!

Жена коснулась его плеча.

— Раз мы остаемся здесь, так хотя бы устроимся поудобнее.

Посреди лужайки они водрузили два плетеных кресла-качалки и тихо уселись, глядя, как вдоль линии горизонта звезды проступают из темноты блеклыми осколками каменной соли.

— А что, — сказала наконец жена. — Напоминает ожидание ежегодного фейерверка на Сислей-филд.

— Сегодня толпа побольше будет...

— Я вот думаю, а ведь в этот самый миг миллиарды людей уставились в небо, разинув рты.

Они ждали, ощущая движение земли под своими креслами.

— Который час?

— Без одиннадцати восемь.

— Ты точна, как всегда. Наверное, у тебя в голове тикают часы.

— Сегодня я не могу ошибиться. Я сумею предупредить тебя за секунду до старта. Смотри! Десятиминутная готовность!

В небе на западе вспыхнули четыре пунцовые сигнальные ракеты и, мерцая, поплыли, влеко-

мые ветром, пока не упали беззвучно на землю и не погасли.

В наступившей тьме супруги перестали рассказываться в креслах.

Чуть погодя он произнес:

— Восемь минут.

Молчание.

— Семь минут.

Безмолвие, кажется, затянулось.

— Шесть...

Жена, рассматривая звезды прямо над головой, пробормотала:

— Почему? — Она смежила веки. — Зачем эти ракеты? Почему сегодня? Для чего все это? Интересно знать.

Он всмотрелся в ее лицо, бледно припудренное свечением исполинского Млечного Пути. Ответ так и напрашивался, но он решил ее выслушать.

— Речь же не о старой песне на новый лад, когда люди спрашивали, зачем нужно карабкаться на Эверест, а им отвечали: «Потому что он существует»? Никогда не могла взять в толк. По мне, так никакой это не ответ.

Пять минут, подумал он. Время тикает... его наручные часы... колесо в колесе... колесико вращается... В высях небесных... четыре минуты!.. Члены экипажа удобно устроились в ракете, как пчелы в улье, на приборной доске мерцают огоньки...

Его губы зашевелились.

— Я знаю одно: пора прелюдий прошла. Каменный век, Бронзовый век, Железный век. От-

ныне они сольются в одну большую эпоху, когда мы разгуливали по Земле, слушая щебетанье птиц поутру, и завидовали им. Может, мы наречем ее Эпохой Земли или Эпохой Земного притяжения. Миллионы лет мы боролись с земным притяжением. Когда мы были амебами и рыбами, мы стремились выйти из моря, чтобы сила тяжести нас не расплющила. Оказавшись на берегу, в безопасности, мы боролись за прямохождение, чтобы сила тяжести не раздавила наше новое изобретение — позвоночник. Пытались ходить не спотыкаясь, бегать не падая. Миллиард лет земное притяжение удерживало нас дома, дразня ветрами и облаками, капустной молью и саранчой. Вот в чем безмерное величие этой ночи... старушке Гравитации и ее эпохе — конец, окончательно и бесповоротно. Не знаю, как прочертят границы эпох, может, по Персии, грезившей коврами-самолетами, или по Китаю, который, сам того не ведая, праздновал дни рождения и Новый год пучками петард и ракет, или предел эпохе установят по какой-нибудь минуте, захватывающей дух, секунде следующего часа. На наших глазах истекает миллиард лет стараний, долгих, но почетных для нас, для человечества.

Три минуты... две минуты пятьдесят девять секунд... две минуты пятьдесят восемь секунд...

— Но, — сказала жена, — я все равно не понимаю зачем.

Две минуты, думал он. Готовы? Готовы? Готовы? Вызывает далекий голос по радио. Готовы! Готовы! Готовы! Готовы! Раздаются быстрые, приглушен-

ные ответы из гудящей ракеты. Проверка! Проверка! Проверка! Проверка!

Даже если сегодня ночью первую ракету постигнет неудача, думал он, мы запустим вторую, третью и облетим все планеты, а потом все звезды. Мы будем запускать ракеты до тех пор, пока тяжеловесные словеса «бессмертие» и «вечность» не обретут смысл. Громкие слова, да. Что нам нужно? Непрерывность. С тех самых пор, как у нас во рту заворочался язык, мы задавались вопросом: «Что это значит — непрерывность?» Когда смерть дышит в затылок, другие вопросы не имеют значения. Но дайте нам заселить десяток тысяч миров, вращающихся вокруг десятка тысяч солнц, и вопрос отпадет сам собой. Человек станет бесконечным и беспредельным, как бесконечен и беспределен космос. Человек будет существовать вечно, как космос. Отдельные индивиды будут умирать, как обычно, но наша история устремит нас в то будущее, в которое мы захотим заглянуть. И, обладая познаниями о выживании на все времена, мы познаем безопасность и получим ответ, который всегда искали. Одаренные жизнью, самое меньшее, что мы можем сделать, это сберечь ее и понести сей дар в бесконечность. Такая игра стоит свеч.

Плетеные кресла-качалки еле слышно перешептывались на траве.

Одна минута.

— Одна минута, — произнес он вслух.

— О! — жена вдруг потянулась к нему, чтобы схватить за руки. — Надеюсь, Боб...

— У него все будет хорошо!